

В. И. Полудняков

ЭССЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ГОРОДСКОГО СУДА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Владимир Иванович Полудняков

Эссе председателя городского суда Санкт-Петербурга

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10751532

*Эссе председателя городского суда Санкт-Петербурга./ В. И.
Полудняков: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2003
ISBN 5-94201-230-X*

Аннотация

Книга посвящена ответственной, психологически и эмоционально насыщенной, связанной с разнообразными и многочисленными межчеловеческими контактами деятельности судьи. В ней раскрываются проблемы и успехи в сфере правосудия, прогнозы и перспективы становления правового государства в России. В первой части “Власть для людей, а не люди для власти” рассказывается о том, что мешает достижению доверия граждан к судебной власти. Особое внимание уделено вопросам коррупции во властных структурах. Автор пытается ответить на вопрос: каким должен быть судья, чтобы соответствовать своему высокому предназначению, в доступной для широкого читателя форме рассказывает о развитии правосудия за последние сорок лет. Вторая часть – публицистика. В нее включены статьи,

выступления, интервью судьи и председателя городского суда В. И. Полуднякова, опубликованные в средствах массовой информации, материалы, вызвавшие в разное время общественный интерес и резонанс. Издание предназначено для всех интересующихся развитием отечественного правосудия, перспективами становления правового государства в России.

Содержание

Часть 1	5
Откуда появляются судьи	7
А судьи кто?	31
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Иванович Полудняков Эссе председателя городского суда Санкт-Петербурга

Часть 1

Власть для людей, а не люди для власти

Оглядываясь в прошлое, человек вольно или невольно подводит итоги своей деятельности, сравнивает свои и чужие поступки, вспоминает события, факты. Примечательно, что остается в памяти больше хорошего, чем плохого. Видно, так устроен человек, чтобы помнить позитивные моменты, чтобы уверенно, хотя бы себе, сказать или просто подумав: в жизни все интересно, все что случилось – к лучшему, о чем-то сожалеешь, но судьба распорядилась именно так, а не иначе.

Думая о том, что в трудовой книжке последние сорок

три года одно место работы – судебная система Ленинграда – Санкт-Петербурга, ловлю себя на минутном сомнении: а ведь могли быть и другие повороты, шаги в сторону и вверх. И не фантазии какие-нибудь, а конкретная реальность, но колебаний остаться на одной прямой или свернуть с нее, не было ни разу. Прав или не прав был тогда?.. Самооценка всегда субъективна.

Что было на старте? То же, что у других: довоенный бело-брысый малыш любящих, мягких родителей-работяг, блокада, ленинградская нормальная школа-десятилетка, провал в технический институт, техническое училище, токарь на заводе, три года срочной службы в войсках противовоздушной обороны. Обычный путь тысяч простых парней в пятидесятые годы.

А с 1960 года – работа в качестве секретаря судебных заседаний и учеба на юридическом факультете ЛГУ одновременно...

Откуда появляются судьи

Работа судьей никогда не была элитарной, не является она таковой и сейчас – пока. Элитарный признак чего-то – это не только нечто лучшее, но в современном понимании – это еще обладание какими-то особенными благами, комфортом, обеспеченность, свобода в словах и поступках, возвышенность, обособленность.

Ни по одному из этих признаков судью невозможно отнести к элите общества. В узком профессиональном смысле, среди юристов-специалистов – да, судья элитарен. Высококласные юристы есть в прокуратуре, адвокатуре, в спецслужбах, среди юрисконсультов предприятий, но все же уровень юридического класса судей, безусловно, выше.

Не случайно предназначение судьи – находиться на вершине правосудия. Все юристы так или иначе, в той или иной степени, напрямую или косвенно работают на суд. Другое дело, далеко не всегда суд использует результаты деятельности других юристов. Но потенциально любая жизненная ситуация может оказаться в орбите судебного разбирательства.

Закономерно, что на Западе судейская должность, как правило, завершает карьеру юриста-практика, юриста-ученого, юриста-политика. Престижность работы судьи у них подтверждает элитарность этой профессии и должности в правовом государстве.

Мне есть, с чем сравнивать. За последние сорок лет, особенно с 90-х годов, положение меняется к лучшему. Делаются попытки поднять престиж судьи, привлечь к этой работе лучших юристов, гарантировать соответствующие условия труда в судебной системе. Все чаще судьями становятся прокуроры и адвокаты, что очень показательно, поскольку адвокаты в судебском сообществе раньше исчислялись единицами.

Но, по-прежнему, в российских судах стабильно пустуют более тысячи судебных должностей. Кроме того, ежегодная ротация в судах достигает десяти процентов. Это симптом недостаточного желания юристов быть судьями, и говорить о привлекательности этой государственной службы не приходится.

Я часто встречаюсь со студентами юридических учебных заведений. Иногда практикую экспромт- социологический гласный опрос. Из многих сотен студентов поднимают руку один, два, максимум три человека, видящие себя в будущем судьей. Но зато лес рук – за адвокатуру, поменьше – за коммерческие структуры, еще меньше, но на порядок больше, чем судебных – за прокуратуру, таможню, госбезопасность.

За юридическим образованием идут осознанно, а значит, и выбор перспективы определен продуманно. Получается удручающая картина: на современном этапе профессиональная элитарность явно проигрывает другим признакам элитарности: большему доходу, меньшей нагрузке, меньшей от-

ветственности.

Для снижения нагрузки судам в последнее время сделано немало: увеличены штаты судей, вводятся новые суды, реанимирована мировая юстиция, вот-вот появятся административные, специализированные суды. От нагрузки – один судья на двадцать тысяч населения, сегодня пришли к расчету – один судья на семь тысяч людей в среднем по стране. И зарплата у судей неплохая – на уровне заработной платы квалифицированного работника промышленности. Казалось бы, тенденция позитивная. Но вот беда – очередей на вакансии судей не наблюдается. Отсюда конкурсы проходят трудно, с натяжкой.

Причина одна: хорошая, по сравнению со среднероссийским уровнем, зарплата не адекватна, не соответствует тяжести работы судьи, а снижающаяся нагрузка не компенсирует постоянные, ежедневные эмоционально-физические стрессы, неизбежные в судейской профессии.

И, наконец, далеко не каждый, даже опытный, умудренный жизнью юрист согласится взять на себя ответственность определять судьбы людей. Разумеется, некоторые берутся за это дело, но довольно скоро понимают, что это такое, и не выдерживают пресса эмоциональных, психологических перегрузок от принятых решений и от самой необходимости принять решения по конкретным делам, в отношении конкретных людей, полностью отдавая себе отчет в том, какие последствия влекут эти решения.

Судейские династии, в отличие от творческих, династий в бизнесе и политике, встречаются крайне редко. Дети и внуки видят очень предметно, что это за работа судьи. Домочадцы видят, как судья нередко приносит домой судебные дела, что, в общем-то, является нарушением, допоздна что-то читает, пишет, часами перебирает компьютерную клавиатуру, а в выходные часто уходит из дома, но не в музей или театр, а в суд «подбирать хвосты». Жены, мужья, дети судей живут своей жизнью, имеют свое представление обо всем. Нередко они не понимают причины такой занятости, что не улучшает моральную и психологическую атмосферу в судебской семье. Это одна, правда, не главная, из причин того, что по статистике судья (особенно женщина-судья) либо бездетен, либо разведен чаще, чем в среднем по России.

Создание семьи для судьи, начавшего свою карьеру холостяком или незамужней, становится проблемой, так как тысячи семейных трагедий, увиденных и осознанных им по судебным делам, вырабатывают специфический стереотип отношения, требования к кандидату в мужья или жены. Переступить через себя, преодолеть результаты сравнения удастся далеко не всем. Чаще всего судья предъявляет требования к другим не менее жесткие, чем по отношению к самому себе. Это не совсем верно с житейской точки зрения, а может быть и совсем неправильно, но таков судья. Такова его внутренняя установка, сложившаяся на сотнях примеров других людей, на личном опыте восприятия многочисленных нега-

тивных человеческих историй.

Но судьи все-таки есть, их стало больше. В 60-е годы в Советском Союзе судей было пятнадцать тысяч, а сейчас в России – около тридцати тысяч. Значит, все не так безнадежно, значит, приходят в суд грамотные юристы, понимающие, на какую работу они претендуют.

При всех трудностях и тяготах работы судьи есть два обстоятельства, которые привлекают юристов. Во-первых, для профессионала-юриста судейская деятельность представляется наиболее разносторонней и творческой. Из специалистов узкого профиля они трансформируются в юристов-универсалов, набирают опыт, знания за счет разнообразия судебных дел. А это всегда интересно и не рутинно.

Во-вторых, любой человек, работник, специалист испытывает удовлетворение, видя результаты своего труда. Перебирание бумажек, занудность, ничегонеделание на работе, отсутствие завершенности, незаполненность рабочего времени – это развращающее, угнетающее безделье приводит к деградации любого человека. И он превращается в лентяя, потребителя, аморфную личность. У него отсутствует интерес к службе, пропадают амбиции. Претензии на содержание становятся неадекватными коэффициенту полезной отдачи. Появляется комплекс неполноценности либо непонимание этого несоответствия. Отсутствие перспективы, порожденной бессмысленностью, ненужностью своей деятельности, обязательно доводит человека до «болотного» уров-

ня. Активная жизненная позиция пропадает незаметно, последовательно и в итоге такие люди считают себя незаслуженно обиженными окружающими и судьбой.

Всего этого удастся избежать судьбе, поскольку его работа настолько конкретна и однозначна, предметна, что в ней он реализует себя полностью и очень результативно. Как художник, закончив прекрасную картину, токарь – сложную деталь, скульптор – завершенную миниатюру, кулинар – изысканное блюдо, судья от начала и до конца лично, самостоятельно создает законченное изделие – судебное дело. Он автор этого юридического произведения. И не имеет значения – мелкое ли это дело о взыскании алиментов или чрезвычайно отягощенный нюансами имущественный спор, материал о мелком хулиганстве или групповое, многотомное бандитское дело, – судья выносит решение или приговор, ставит точку. Обязательность его вердикта – не декларация, а реальность, имеющая самые серьезные правовые последствия.

Самодостаточность – одно из самых важных качеств, необходимых человеку для реализации себя в жизни, в обществе. Творчество и результат – составляющие, важные для достижения самодостаточности. Эти принципы – суть судебской профессии. Тот, кто этого достигает, остается судьей многие-многие годы, а начинающие, руководствуясь этими принципами, с большой долей вероятности не свернут с начатого пути.

Именно по этим причинам должность судьи является уни-

кальной, специфической среди чиновничьего люда. Судьи не любят, когда их называют чиновниками, и в этом есть определенный резон. Ведь они занимаются самым настоящим производством. Да и сами их действия называются гражданским, уголовным и административным судопроизводством.

Когда судья ощущает удовлетворение от своей деятельности, несмотря на объективные трудности, он становится настоящим судьей. Практика показывает, что судья начинает соответствовать всем требованиям своей профессии через 6–7 лет с начала своей карьеры. Разумеется, есть исключения, но в основном это оптимальный судейский стаж для профессионала.

Обычно судьи уходят со своей должности по истечении так называемого испытательного трехлетнего срока, на который их назначают в первый раз. За это время определяется не только профессионализм, умение работать с людьми и делами, но и внутреннее состояние судьи, его соответствие статусу судьи.

На должность судьи, в общем-то, попасть нетрудно. Не нужны ни блат, ни деньги, ни родство. Вакансии есть всегда. Нормальное здоровье, отсутствие компромата, квалификационный экзамен – все это обычно, как и для многих других профессий и должностей, даже конкурсы, объявляемые на судейские должности, дают в итоге, как правило, одну кандидатуру на одно место, так как другие кандидаты просто не появляются, несмотря на то, что перепроизводство юристов

очевидно.

Иная ситуация с должностями председателей судов: досрочно никто с этого поста добровольно не уходит, конкурс на свободные места реален и порой достаточно жесток. Такое положение было не всегда, а лишь последние десять – двенадцать лет. Прежде отбор проходил кулуарно, в партийных кабинетах.

Парадоксально, но принципы подбора кандидатов на судебские должности как раньше, так и теперь, одни и те же. Изменилась форма: вместо партийных функционеров кадровые вопросы решают сами судьи, вместо тихих единоличных согласований – публичные, гласные решения. Но критерии: знания, опыт, авторитет, порядочность претендента и никаких протекций, обусловленных материальными или моральными посулами, – остались прежними. Более того, в дореформенные времена отбор юристов в судьи, несмотря на постоянный дефицит желающих, был всегда жестче, требовательнее, чем теперь. Комплексные, глубокие проверки гарантировали то, что в судьи не мог попасть человек, обремененный проблемами, которые в будущем могли стать поводом, причиной давления или шантажа с чьей бы то ни было стороны.

Среднее и старшее поколение помнит, что даже слухов о коррумпированности судей не было. За сорок лет работы мне известен в прошлом лишь один случай взятки судьи. Женщина-судья районного суда позарилась на золотую це-

почку и немедленно попала под суд.

Можно критиковать тогдашние методы, удивляться способам, подходам к решению кадровых вопросов, но в логике и эффективности преобладал устойчивый рационализм. Судьи, пришедшие в 50-70-е годы, прослужили по двадцать-тридцать лет. А вот те, кто начал свою карьеру в 80-е годы, больше двадцати лет и не выдержали.

Разумеется, есть и исключения. Речь же идет об основной массе судейского корпуса. Не случайно тем, кому за шестьдесят, составляют в районных судах не более одного процента, а в областных – не более пяти процентов.

Как ни оценивай историю, ошибок в подборе судейских кадров было значительно меньше. Например, сейчас никто не придает особого значения семейному положению кандидата в судьи. Наверное, это правильно, так как не это главное для определения годности к судебной работе. А тогда разведенному юристу могли и отказать: сможет ли объективно разобраться с семейными делами граждан судья, не сумевший сохранить собственную семью? Может быть, это наивно, возможно – тоталитарно, но это одна из комплексов оценок, данных, которые иногда препятствовали водворению на судейский подиум.

Граждане не делают судьям никаких скидок на возраст, житейский и профессиональный опыт, ни в чем и никому. Требования к ним максимальные. Судья в глазах людей – это эталон порядочности, честности и профессионализма, иде-

ал справедливости. А поскольку жизнь приземленной, реальной, многие разочаровываются в судьях, не прощая им малейших ошибок, погрешностей, обычных для этой тяжелой многообразной деятельности, но вызывающих у людей недовольство и даже определенные подозрения. Граждане не учитывают, что судьи – это обычные люди, так же, как и они сами, воспитанные, выросшие точно в таких же условиях. Каждый четвертый судья-новичок нуждается в улучшении жилищных условий. Многие живут в коммуналках и в общежитиях.

Тестирование кандидатов в судьи пока не проводится, хотя такие разработки уже есть. Нужна лишь нормативная база для применения тестов. Юристы идут в судьи абсолютно осознанно, уверенные в своем выборе. Конечно, бывают сомнения, некоторый страх, беспокойство, но, заявивший о своем окончательном желании стать судьей и предпринявший реальные шаги для прохождения вступительных процедур юрист, можно сказать, определился в правильности своего решения.

Остается убедить в этом тех, кто принимает решение о назначении судьи: членов Квалификационной коллегии судей и Президента Российской Федерации. Субъективизм при этом невелик, поскольку часто кандидат в судьи никому не знаком: обратиться с заявлением может любой, что называется, с улицы, из другого региона. Но и для объективных, всесторонних оценок данных недостаточно по той же причи-

не. Формальности соблюдаются: справки, характеристики в порядке. А вот что за человек, годится ли он по своим личностным качествам быть судьей, — остается загадкой. Хорошо, что судьи, опытные и мудрые, умеют разбираться в людях, поэтому вероятность ошибочных оценок не очень велика. Но, все-таки, приходится признать, что ротация в первые три года судебной работы значительна — один из десяти оставляет свою деятельность, переходит в адвокатуру или в коммерческие структуры. Казалось бы, это неплохо — не мучается сам судья, не мучает граждан и вовремя уходит. Но в том-то и проблема, что происходит это не сразу, а через несколько лет. А в такой сфере, как суд, где сплошные конфликты и споры, два-три года — огромный период: в орбите правосудия проходят тысячи людских судеб.

Испытательный срок слишком дорого обходится. Но он есть, и без каких-то временных рамок не обойтись. Это означает, что в настоящее время государство признает, что гарантировать безошибочность судебных назначений не может.

Было время, когда судья назначался или избирался на три года, затем первый срок был увеличен до пяти, а затем и до десяти лет. Потом колесо повернулось в обратную сторону, и мы вновь пришли к трехлетнему испытательному периоду. Тридцать-сорок лет назад выборы судей народом проводились раз в три года и раз в пять лет. Хотя выборы были безальтернативными, замены судей исчислялись едини-

цами, что свидетельствовало о безошибочности практически по каждой персональной кандидатуре.

Хронические вакансии и реальная возможность для любого человека претендовать на них, конкурс и отсутствие достаточного количества претендентов, формальная полнота данных о личности и несменяемость в течение трех лет, естественные недостатки в опыте, практике и предельные судебские полномочия – как все это совместить на только начавшемся судебском пути, как минимизировать эти противоречия?

Первичное вступление в должность судьи порой бывает результатом заблуждения самого судьи, неправильной оценки им и будущими коллегами его возможностей, качеств, достоинств и недостатков. Выход есть: испытательный срок должен быть таким же – два-три года, но не в судебском статусе, а близком к нему, то есть стажировка, по содержанию и ресурсам адекватная деятельности судьи, но без права его заменять. Этот путь даст возможность стажеру, помощнику судьи, как специалисту, получающему соответствующее вознаграждение, на которое он сможет содержать себя и семью, активно проявить свои юридические знания и профессиональный опыт. А его коллеги и руководители смогут понять, что он представляет собой как личность, и оценить его характер, честность, порядочность, самодисциплину, инициативность, коммуникабельность, здоровье, эрудицию.

Критики судебной системы упрекали ее в замкнутости,

корпоративности и отчасти были правы. В 90-е годы, кстати, таких претензий не было до принятия закона о статусе судей в СССР и в Российской Федерации. Одним из оснований для негативных оценок было то обстоятельство, что часть судей – это в прошлом секретари, судебные исполнители, консультанты. Авторы таких суждений невольно оказались в плену распространенной легенды, в основе которой лежит недоверие в целом к суду как к власти.

Но судья – это не только власть, но еще и профессия, юридическая специальность. Любой думающий, разумный человек согласится, что мастерство не появляется сразу же, что совершенство в любом деле достигается знаниями и практикой. Знать все тонкости профессии, самые мелкие, но все равно значимые, ибо они проявляются в процессуальных формах – сути судопроизводства, значит, овладеть делом всесторонне.

Таким опытом обладают те (и это присуще любой специальности), кто последовательно прошел все ступени служебной лестницы: от самой низшей – до самой верхней, от секретаря судебного заседания – до судьи. Есть еще одно обстоятельство, которое делает этих людей профессионалами, наиболее полезными для судебных полномочий. Эти люди всю свою трудовую жизнь в судебных стенах получали небольшую зарплату и работали в режиме чрезвычайных нагрузок. Они закалились в этих экстремальных условиях и считают подобные сложности нормальными. Они научились воспри-

нимать физические и эмоциональные перегрузки спокойно, выдержанно. Они знают людей, обращающихся в суд. Типы людей, человеческие качества, поведение и реакции, множество трагедий, конфликтов и трудно разрешимых эксцессов – все это воспитывает, влияет на работников аппарата суда, воздействует на их взгляды, учит.

Утверждение, что в состав судейского корпуса в основном входят технические работники суда, о чем часто говорили оппоненты, оказалось мифом. Это подтвердил Председатель Верховного Суда Российской Федерации на шестом съезде судей России. Он отметил, что таких людей, достигших судейской должности, в стране не более двух процентов. В разных местах, конечно, по-разному. В Петербурге судей, выросших из секретарей и консультантов, значительно больше – каждый седьмой.

На моих глазах прошло три поколения судей и, зная проблему изнутри, утверждаю, что более грамотными, сильными, уважаемыми судьями стали именно те, кто прошел все ступеньки своей профессиональной лестницы. Здесь не уместен пресловутый современный сарказм: «из грязи – в князи», потому что нет неожиданного и непредсказуемого взлета. Долгая, тернистая дорога последовательна и логична.

Моя служебная биография типична для сотен моих коллег. Пять лет работал секретарем судебных заседаний с судьей по гражданским делам в Калининском районном суде Ленинграда. И все пять лет учился на вечернем отделении

юридического факультета. Эти годы, когда я непосредственно участвовал в досудебной подготовке дел, в судебных заседаниях, были хорошим источником знаний и опыта в области гражданского права и процесса, что потом положительно сказалось в деятельности председателя суда, которому необходимо ориентироваться не только в уголовном судопроизводстве. Эти пять лет научили меня воспринимать и использовать на практике не только позитивные, но и негативные особенности, что отрицательно воспринимается людьми, соприкасающимися с судом.

Судья, с которой я работал так долго и «без побега», – умная, грамотная, выдержанная, дотошная. Эти качества особенно необходимы при ведении гражданских дел. С чистого листа и до вынесения решения судья-цивилист разбирается в гражданском деле. Терпение и пунктуальность, спокойствие и желание найти истину в споре сторон – нужны максимальные, иначе не хватит либо времени, либо нервов, чтобы довести дело до логического конца.

По гражданским делам, в отличие от уголовных, стороны ведут себя более раскованно, более эмоционально. Если подсудимого по уголовному делу и его жертву разделяют железная клетка, вооруженный конвой, то по гражданскому делу в суде истец и ответчик – рядом, между ними нет барьера, а для провокации бурного столкновения достаточно одной эмоциональной искры, одного унижительного, оскорбительного слова.

Страсти, интересы в житейских спорах достигают таких глубин, раскрываются в таких неожиданных ракурсах, что, к сожалению, приходится констатировать: очень часто самими непримиримыми, а то и смертельными врагами являются близкие родственники. Меня это всегда поражало. Но, увы, это факт, знакомый всем судьям по уголовным и гражданским делам.

И если такие, казалось бы, близкие друг другу люди не могут разобраться со своими проблемами, можно представить, как это сложно сделать человеку со стороны – представителю государства. При этом надо иметь в виду, что практически в каждом деле стороны, желая показать себя с лучшей стороны, а своих противников с наихудшей, либо не хотят, либо не могут быть искренними в своих утверждениях или опровержениях.

Полуправда, преувеличение – весьма распространенный способ дозированной информации, используемый сторонами, в официальном процессе. Умолчание или, наоборот, накручивание, детализация событий вольно или невольно имеют определенную цель – создать трудности противоборствующей стороне, а в конечном счете – суду, чтобы получить необходимый результат, на который трудно рассчитывать при всесторонней, полной характеристике событий, обстоятельств спора и всех доказательств.

Истцы и ответчики понимают, что их ответственность за дезинформацию не такая, как в уголовном процессе. В худ-

шем случае они проиграют дело. Вот почему судьи по гражданским делам вынуждены шаг за шагом, стежок за стежком, как в утомительном, тягучем вязании, собирать по крупицам необходимую информацию, чтобы установить истину и правильно решить спор.

Любовь Степановна Колосова, у которой я был секретарем, обладала всеми качествами судьи-труженицы. С утра и до вечера, ежедневно она вела процессы, иногда объявляя пятиминутные перерывы. Эта обаятельная, улыбчивая женщина была полноватой и соблюдала диету: в обед одно яблоко, а для подавления чувства голода – «беломорину».

Мне диета была не нужна, но из-за меня обеды не планировали. Так за пять лет я привык работать без обедов и обрел порочную привычку – курение утилитарных сигарет.

Кстати, способность работать без обеденных перерывов пригодилась, когда я стал председателем суда, особенного – городского. Мои коллеги и судьи быстро усекли эту необычность и могли по делам обратиться ко мне именно в это время, так как в другие часы возможностей было меньше.

Так уж получилось, что безобеденная работа с куревом не сделала Любовь Степановну стройнее, но и не повлияла отрицательно на ее здоровье, предотвратила тучность, склонность к которой у нее, очевидно, была от природы.

Многие скептически относятся к таким моментам, подкручивают пальцем у виска, но привычки сильнее нас, а если им более сорока лет, это уже нечто большее – индивидуаль-

ная сущность. По крайней мере, я не знаю, что такое сонливость, тяжесть после обеда, замедление рабочего ритма, снижение активности к вечеру.

Еще одно важное обстоятельство, которому я научился у Любови Степановны и пронес через всю судебскую жизнь. Если спросить судью, какие трудности в его работе, он назовет многое: нагрузку; сложное, порой противоречивое законодательство; нехватку секретарей, народных заседателей, оргтехники; тесноту помещений; недисциплинированность участников процесса; недостаточность финансирования судов; невозможность обеспечить стопроцентную явку в суд не только подсудимых, потерпевших, свидетелей, истца и ответчика, но и прокуроров и адвокатов; отсутствие времени на свою семью и свое здоровье; несоразмерную его труду заработную плату. Он может назвать еще целый ряд проблем: несправедливую оценку его деятельности обществом и журналистами, явно заниженный рейтинг судебной власти; традиционное массовое неуважение гражданами и должностными лицами законов; отсутствие внимания к проблемам судебной власти со стороны всех других ветвей власти. Разумеется, судья вспомнит среди своих трудностей тяжесть вынесения судебных решений, приговоров.

И все же самым трудным в своей работе абсолютное большинство судей считает прием граждан, особенно по гражданским делам.

И они правы: принять огромное количество посетителей,

общаться лицом к лицу с людьми взвинченными, возбужденными, убежденными в своей правоте и чьей-то несправедливости, с недоверием относящимися к судье – все это составляет самую тяжелую часть судейской деятельности.

Но... и самую интересную. Многие мои коллеги не соглашались со мной, да, наверное, и граждане – тоже, ведь прием посетителей – рутинная, тягостная работа для обеих сторон. Люди часами стоят в очереди к судье. И эти очереди мало отличаются от очередей к чиновникам в паспортных отделениях, в жилконторах, к врачам, в авиакассах и на вокзалах в сезонное время. Но к судье идут по разным вопросам, порой настолько неожиданным, что если бы у судьи было больше времени, то он от каждого посетителя мог бы приобрести интереснейшую жизненную информацию. Да и сами люди такие разные, удивительные, интересные. По каждой истории и человеческой судьбе можно написать книгу.

Почему же судьи считают прием самым тяжелым делом? В основном из-за количества людей. Чтобы поговорить, разобраться с бумагами даже десяти-пятнадцати человек, требуется несколько часов, а к судье по гражданским делам приходит в несколько раз больше народа. И, как ни обидно применять этот термин к живым людям, но получается самый настоящий конвейер. Конечно, прием сопровождается справедливыми упреками посетителей в недостаточном внимании к ним со стороны судьи. По существу они правы, а объективно судья в этом не виноват. И те, и другие на себе испы-

тывают нашу общую беду – не определен норматив, сколько может и должен судья принять посетителей.

Вспоминается, что часто весь зал судьи Колосовой был заполнен гражданами, пришедшими или вызванными ею на прием.

Меньше 30–40 человек не бывало. И успевали принять всех, потому что никогда не заканчивали работу, пока не уйдет последний посетитель.

У Любови Степановны я научился методике приема. Ее беседы с гражданами были короткими – пять-семь минут, но крайне редко люди из ее кабинета выходили раздраженными и недовольными. Она вела прием при открытых дверях, и мы видели друг друга – мой секретарский стол был напротив. Разговоры не слышны, а по мимике лиц, размеренности движений видно, что посетитель и судья обсуждают, беседуют, а не спорят, спрашивают – отвечают, а не полемизируют, смотрят друг другу в глаза, а не избегают психологического контакта.

Это важно, потому что люди эмоционально «заводят» друг друга. На приеме у судьи речь всегда идет о далеко не радостных событиях в их жизни. И те, кто сидит в зале, слыша, что в кабинете нет истерик, повышенных голосов, видя, что человек уходит спокойным, зная, что все они будут приняты, хотя ждать долго, воспринимают ситуацию адекватно, с пониманием. Поэтому и прием проходит быстро. Без эксцессов не обходилось, но за пять лет я припоминаю единич-

ные случаи, исключения, о которых говорить не стоит.

Набирая опыта судейства, я учитывал и отрицательные моменты, которые определил для себя как недопустимые в своей будущей работе.

По разным причинам судья за все эти пять лет ни разу не открыла первое судебное заседание в назначенное время, что сбивало график назначенных на этот день дел. Удивительно, но при той педантичности, старательности, скрупулезности, с которой Колосова беседовала с людьми и рассматривала дела, она так же постоянно, конечно, не умышленно, но ежедневно не начинала первый судебный процесс вовремя. Объяснить это просто невозможно. Я даже вел для себя в журнале записи фактического начала заседаний и периодически показывал Любове Степановне. Самая маленькая задержка – десять минут, самая большая – сорок. Она на этот хронометраж реагировала так: «Володечка, будешь судьей, поймешь. Мы не на вокзале, а суд – это не поезд.

К процессу нужна подготовка, кое-что приходится обсудить с заседателями, ввести их в курс дела, да мало ли что еще возникает в начале рабочего дня».

Может быть, она по-своему была права. Но я для себя сделал вывод: необходимо начинать первое дело точно в указанное время, и все последующие годы руководствовался этим. Ни разу в районном суде ни по одному делу первое заседание я не начал с опозданием. Конечно, следующие за ним другие дела нередко смещались на некоторое время,

но это уже другое: каждое дело специфично, все предусмотреть в нем невозможно (в судебном заседании идет исследование дополнительных обстоятельств, появляются дополнительные участники).

Люди понимают, что их дело не начинается из-за того, что не закончен предыдущий процесс, но они удивляются и раздражаются, если начало первого дела затягивается без объяснения причин.

И еще один негативный момент. По уголовным делам приговор выносится полным текстом и полностью оглашается судом. А по Гражданскому процессуальному кодексу судья вправе по сложным, объемным делам вынести так называемую резолютивную часть решения, то есть написать и огласить название дела и результат: что суд решил. А затем, опять же по закону, в течение трех дней написать полный текст этого решения. Но это должно делаться в порядке исключения. Любовь же Степановна так поступала почти по всем делам. И не от лени или недобросовестности, а скорее потому, что не успевала из-за огромного количества дел. Ежедневно рассматривали до двадцати гражданских дел, а по «прокурорским» дням, то есть по делам с обязательным участием прокурора, – до восьми дел об увольнении, о лишении родительских прав, о выселении из жилища и тому подобных.

Так вот, как бы не было трудно, как бы не был велик список назначенных дел, я, видя, как потом сложно судье «отписать» решение через несколько дней, исключил из сво-

ей практики этот метод. За шестнадцать лет работы судьей в районном суде я вынес резолютивную часть решения по гражданским делам, которых было несколько тысяч, лишь в 5 случаях. И каждое такое дело я помню до сих пор.

В начале 60-х годов произошли радикальные перемены в судебной системе: от участковых судов – к единым районным судам. Профессия юриста начала привлекать молодежь. В судах работали девочки, совмещающие работу с учебой на юридическом факультете. Девушки, женщины доминировали в судебной системе Ленинграда. Мальчиков можно было сосчитать по пальцам. Все молодые, время веселое.

Именно тогда, в 1962 году, я в Калининском районном суде подружился с секретарем заседаний Людмилой, а через год женился на ней. С этой жизнерадостной, доброжелательной, терпеливой девушкой мы вместе вот уже сорок лет. Она, как и я, идет по прямой в жизни и профессии, работая в сфере дошкольного воспитания – в роновском детском саду. Прошла простенький карьерный рост от воспитателя до заведующей обойденного вниманием государством хронически бедного детского учреждения. Людмила подарила мне двух замечательных детей: сына и дочку, а теперь у нас есть еще и трое любимцев-внуков – мальчик и две девочки.

И шестидневная рабочая неделя, и оклад секретаря в 42 руб. 50 коп., и ежедневная вечерняя учеба, и отсутствие метро с Васильевского острова к Финляндскому вокзалу, и многие другие трудности не повлияли на жизненный тонус,

правильность выбора. В молодости все преодолимо, все воспринимается с оптимизмом и надеждой.

А судьи кто?

Сакраментально звучит эта фраза. Произносят ее обычно с подтекстом, иронизируя. Чаще всего в этом проявляется, с одной стороны, отношение к должности и функциям судьи как к идеалу справедливости, а с другой – негативная оценка людьми суда и судьи. То есть доминирует точка зрения, что судьи не соответствовали и до сих пор не очень-то соответствуют высоким требованиям, предъявляемым к служителям Фемиды.

Находясь сорок лет рядом и среди коллег-судей, естественно, знаю о них все или почти все. Иногда некоторые люди, журналисты упрекают меня в том, что я защищаю судей. Было бы странно, если бы председатель высшей городской судебной инстанции не защищал своих коллег.

Во-первых, судьи нуждаются в защите от разного рода обвинений, в основе которых, как правило, лежат слухи, домыслы, субъективные оценки проигравших дело людей. У судей хватает оппонентов почти во всех уголовных и гражданских делах, во многих средствах массовой информации, в исполнительной и законодательной властях.

Но ведь кто-то должен представлять иное мнение, кто-то должен сказать хотя бы одно доброе слово о судьях. Получается, что кроме самих судей об этом никто не хочет сказать или написать.

Редко, но встречается в прессе восторженная оценка некоторых судебных процессов XIX века, либо одобрительные отзывы о современных судах и судьях, но не в Российской, а в Западной прессе.

Как будто кто-то объявил табу на любую положительную информацию о наших судьях.

Во-вторых, если бы десятки лет я жил и работал среди недостойных людей либо сам в глазах коллег был таковым, то взаимные реверансы были бы вызваны лицемерием и корпоративным единением. Но ведь нет ни того, ни другого, поскольку так долго фальшивить просто невозможно. Все мы на виду: наши дела и нашу жизнь, внешний вид и внутреннее состояние от тысяч людей не спрятать. Именно на судей смотрят очень внимательно, с предубеждением, а значит – с обостренным критическим интересом. Ни один жест, ни одно слово судьи не остается незамеченным.

Но и коллеги хорошо знают друг друга, достоинства и недостатки каждого. Не могут люди быть все хорошими или плохими. Все люди разные. Так же и судьи – разные люди, но еще и судьи. А это уже другой критерий оценок, внутренний прессинг, давящий постоянно, каждый день и всю жизнь, это, если сказать проще, – самооцензура и самоограничение.

Не смог бы руководитель работать среди плохого коллектива десятки лет, как и хороший коллектив не потерпит плохого руководителя столько лет. Несовместимость очевидна.

Оппоненты могут возразить: а если и сотрудники и их руководитель плохие, тогда и будет то отрицательное единство. Не станут же они критиковать друг друга? В этих словах есть истина, но она неприменима к судейскому сообществу по одной существенной причине. При всей корпоративности и солидарности особенность судебной деятельности такова, что она публична, гласна, а отсюда и появляется тот мощный общественный контроль, сметающий со своих постов любого судью или председателя суда.

Не сможет судья остаться в своем кресле десяток-другой лет, будучи постоянным объектом народной критики. В такой ситуации количество переходит в качество, и это закономерно. Судья или председатель суда понимает, что при всех его положительных качествах профессия оказалась не его. Не дано некоторым юристам быть судьями и не всегда осознание этого приходит быстро. Длительный, многолетний неправильно избранный путь тоже невозможен.

Суммируя сказанное, я могу утверждать (и в этом достаточно объективен), что судебная система Ленинграда – Санкт-Петербурга за последние сорок лет никогда не была плохой. Судебная система – это судьи. Никогда судьи не были врагами людей, в чем их порой обвиняют горячие головы. Судьи и суды нашего города, как и нашего общества, в принципе не могли и не могут быть таковыми. Судей и людей объединяет одно общество, одна жизнь, культура, традиции, история и повседневность.

Да, судей и граждан разделяет судейский стол, судейская мантия, но этот барьер необходим, чтобы действия и решения судьи не оказались вынужденными, зависящими от симпатий и антипатий, бедности и богатства, слабости и силы тех, чьи проблемы он обязан решить.

Сотни тысяч, если не миллионы правильно рассмотренных судебных дел за многие годы дают мне моральное право говорить об устойчивости судебной власти, объективности, профессионализме судей, которые выражаются в конкретности, открытости, доступности для любой оценки.

Разумеется, наших судей, себя я не исключаю из их числа, есть за что критиковать. В любой деятельности ошибки неизбежны, как профессиональные, так и личностные. Были и кадровые упущения, были среди судей случайные люди. Не удалось избежать и фактов, порочащих поведение судьи. Но эти моменты не характерны для питерской юстиции. Эти редкие исключения подтверждают общее правило – преобладание судей-тружеников, честно исполняющих свой долг, несмотря на сложившееся не очень-то благоприятное, явно незаслуженное общественное мнение, сложные условия ежедневной работы.

Любопытно отношение зарубежных судей к своим российским коллегам. С одной стороны, они удивлены нагрузкой наших судей и приличным качеством судебных решений, что подтверждается высказываниями судей международного суда по правам человека в Страсбурге, а с другой –

поражены, как это нам удастся осуществлять свои полномочия в существующих условиях. Не вызывает сомнений, что американский судья не выдержал бы и полугода работы в тех условиях, к которым российские судьи привыкли и считают нормальными.

Благодаря судебной-правовой реформе ситуация в последние десять лет меняется к лучшему: судьи почувствовали себя судьями, осознали свое значение, имеют некоторую социальную государственную поддержку и защищенность. Строятся и реконструируются звенья судов. Наступает и в судах век компьютеризации. Но зашоренность прошлых десятилетий, приниженность суда, экономические проблемы в целом влияют на темпы этих улучшений: они не так быстры, как этого хотелось бы, как это остро необходимо.

Две главные причины, замедляющие рост авторитета суда, актуальны вчера, сегодня и, видимо, будут актуальными в будущем: во-первых, перегрузка судов, влекущая волокиту и справедливое недовольство людей; во-вторых, медленные перемены к лучшему в правосознании и в правовой культуре, что растягивает на годы реализацию реформ.

Примеры становления, развития правовых государств свидетельствуют о долговременности перемен. Наша же всеобщая нетерпимость, традиционное стремление сделать все и сразу стимулируют, казалось бы, быстрый процесс развития, но тут же и разочаровывают. Ведь с понедельника или с нового года правовое государство вдруг не появится. А зна-

чит, усиливается, естественно, негативная реакция на все, что имеет отношение к правосудию. И поэтому в эпицентре отрицательных чувств граждан оказываются те, кто находится с ними лицом к лицу – наши судьи.

Судьям к такому общественному мнению следует относиться с пониманием. Даже единичный факт коррупции, злоупотребления, грубости, невежества, пренебрежения человеческим достоинством, допущенный хотя бы одним судьей, воспринимается людьми обобщенно. Выводы делаются широкие – на всю судебную систему.

Так устроены люди, что они оценивают ситуацию не абстрактно, а субъективно, и, заблуждаясь, приходят к ошибочному, неприятному для всех судей выводу. И с этим не считаться нельзя. Таковы наши традиции, уровень образованности и правовой культуры. Судьям надо терпеть обидные, несправедливые высказывания и правильно реагировать на действия своих коллег, давших повод, а возможно, и основание для подобного отношения людей.

Любопытно сравнить общественные оценки судей разных поколений. Судей образца 60-70-х годов критиковали за несамостоятельность, зависимость от партийных органов. Насколько справедлива такая критика – это отдельная тема. Но упреки в волоките были достаточно редки, а обвинений во взяточничестве вообще не было.

Судьи 80-х – начала 90-х годов воспринимались обществом как участники перестройки, более грамотные специ-

алисты, но уже с ярлыками волокитчиков. Все чаще можно было прочесть в прессе и услышать резкие, оскорбительные эпитеты в адрес судей. Их называли рудиментом партийного прошлого. Кроме того, высказывались подозрения в коррумпированности судей в условиях нарастающих рыночных отношений.

И, наконец, современное поколение судей начала XXI века, по заключению общественного мнения, это уже не партийные ставленники, не придаток других ветвей власти, они, наоборот, излишне независимы – до беспредела – и явные коррупционеры.

Большинство может ошибаться! Исторических примеров тому множество. Как создается не терпящее иных оценок подавляющее общественное мнение, хорошо известно. И все же какими бы ошибочными ни были высказывания о судьях, они соответствуют именно тому уровню правовой культуры, правосознания, способности воспринимать и понимать происходящее, который сложился на данном историческом этапе. Иначе говоря: каков народ, такие и судьи.

Крайние, радикальные оценки всегда ошибочны. Это подтверждает наука и практика. Живые примеры таких ошибок всегда найдутся. Но не они являются типичным отражением фактического положения и не на их основе должны строиться выводы о том, а кто же у нас судьи. К сожалению, очень трудно, даже невозможно в условиях еще не сложившегося правового государства, доказывать, что это так. Многие про-

сто не поверят этой точке зрения. Нужны многие десятилетия, чтобы достичь уровня доверия к судье, которым обладают наши зарубежные коллеги.

И все же информировать людей о том, что представляют собой судьи, необходимо, даже если доводы и факты покажутся неубедительными.

Еще раз повторяю: уничижительные заявления в адрес судей в отдельных случаях, в отношении некоторых фигурантов соответствуют истине, но их нельзя относить ко всему судейскому сообществу.

Если бы судьи (или большинство из них) не соответствовали своему статусу, общество и государство не стали бы терпеть и заменили бы судей. Возможности для этого были и есть. Последние десять лет реформ ярко продемонстрировали легитимные, законные способы мощных перемен в государственном устройстве.

Но тотального изгнания судей не произошло, значит, суды выполняют свои функции в интересах общества, и нет необходимости менять судебную систему. Более того, во всех решениях, направленных на совершенствование правосудия, подчеркивается необходимость не допустить революционных скачков, а наоборот, последовательно, поступательно и, по возможности, быстро улучшить судебную деятельность, избавляясь, продуманно и взвешенно от негативных явлений.

Судьи 60-х годов – это люди, в большинстве своем про-

шедшие Великую Отечественную войну, пережившие послевоенную бедность, дефицит, бытовую неустроенность. Эти люди имели несколько важнейших качеств: они обладали колоссальным иммунитетом к трудностям, не стремились к большим доходам, благам, довольствовались тем, что имели, считая это нормальным. Это старшее судейское поколение, ветераны войны и труда, не знало, что такое доллары и порнография, электрические пишущие машинки и автотранспорт, зарубежная поездка и видеомэгнитофон.

Я знаю их, начинал с ними свою работу. Им сейчас за восемьдесят. Многие ушли из жизни. Они стали судьями в 50-х годах, когда им было по 27–30 лет. Мужчины и женщины годами ходили в одном костюме и платье, а то и в гимнастерке и кителе. Некоторые заводили садоводство, но чтобы домик был не выше 6 метров от земли до конька крыши. Не допускалось никаких излишков жилой площади. Зарплата – 70 рублей у народного судьи и 90 – у городского, областного. Многим не хватало той грамотности и знаний, которыми владеют современные судьи. Подчеркиваю, речь идет обо всей судейской массе тех лет, потому что и таланты и образованнейшие люди среди них, конечно же, были.

У того поколения судей была огромная воля и самодисциплина, самоотверженность и самоотдача, коллективизм и взаимоуважение, выдержка и самообладание, безотказность и, пожалуй, самое главное, – жизненный опыт, мудрость не по годам.

Навсегда запомнил председателя Дзержинского народного суда Ленинграда Никанора Михайловича Румянцева. Войну он встретил молоденьким лейтенантом – юристом, служил тогда в Прибалтике. В августе сорок первого при переходе флота из Таллина в Ленинград корабли подверглись фашистской бомбардировке. Шесть часов он провел в воде, держась за какой-то плавающий предмет, пока его не подобрали наши матросы.

Именно тогда Румянцев надорвал сердце, из-за чего все последующие годы страдал сердечной аритмией. После войны был народным судьей, затем заместителем председателя Ленинградского городского суда. Но в этой должности находился недолго, не более двух лет, вернулся участковым народным судьей Дзержинского района.

С января 1961 года участковые судьи были объединены в единые районные народные суды, председателем такого суда и стал Н. М. Румянцев. Он, кстати, был одним из инициаторов изменения судеустройства, неоднократно обращался со своим предложением в ЦК КПСС и в правительство. А идея состояла в создании районных судов – организационные преимущества и экономия бюджетных средств были очевидны.

Как показал опыт, такой способ решения судебных проблем ошибочен: нельзя экономить на правосудии. Наверное, следовало создавать районные суды не вместо участковых, а как самостоятельное судебное звено, в дополнение к уже сложившейся системе.

Никанор Михайлович – это судья-самородок. От природы он обладал острым умом, великолепной памятью, но... сложным характером. Став председателем, он рассматривал немного дел и только уголовные, но зато был для судей мозговым центром. Новое законодательство тех лет мы все изучали заново, а он это делал скрупулезно и упорнее других. Сам изучал комментарии, практику верховных судов Союза и России.

Он избегал контактов с вышестоящими инстанциями, имея на все свое мнение. К чинам относился равнодушно, бывал резок с ревизорами, мог даже кое-кого кое-куда послать.

Меня Н. М. Румянцев принял в Дзержинский народный суд сразу. Зная, что из Калининского суда меня отпускать не хотят, Никанор Михайлович посоветовал поставить вопрос так: либо перевод, либо увольнение. Так я и поступил. Перевод состоялся. Он был жестким руководителем, но хорошим товарищем. Терпеть не мог расхлябанности, опозданий, волокиты, но никогда не устраивал унижительных сцен, крика и брани.

Его скуластое лицо не бороздили желваки, а голубые глаза придавали лицу искренность и какую-то наивность. И лишь огромная лысина была индикатором нарастающего волнения и недовольства – она медленно, но заметно багровела.

Когда я стал председателем городского суда, попытался узнать, почему Румянцев ушел оттуда. Это мне не удалось.

Из полунамеков его коллег предполагаю, что с кем-то из очень высоких руководителей он сильно повздорил.

Как и многие после войны, Никанор Михайлович не имел достатка: жил с женой и дочерью в однокомнатной квартире, не было у него ни дачи, ни машины. И лишь уже в семидесятые купил у друга за небольшие деньги подержанный «Москвич» – горбатую коробку на четверых, да построил сам из фанеры сарай-домик за сто километров от города – базу для рыбалки.

Он приучил меня к усидчивости, терпению в рутинной работе с законодательством и юридической литературой, посоветовал не кичиться креслом первого лица, поскольку все судьи, в том числе и председатель, имеют равный статус. В результате общения с Румянцевым я усвоил, что председатель Суда должен владеть не только уголовным правом и процессом, но и гражданским; и еще – чем выше уровень руководителя, тем большим тактом, выдержанностью он должен обладать.

С ним было работать интересно, и наверняка не стал бы я председателем городского суда, если бы не преждевременная смерть Никанора Михайловича. Он умер в шестьдесят лет, а мог бы работать еще многие годы и никуда я от него не перешел бы, поскольку и мыслей таких не было. А тут пришлось занять его место, так как не было других кандидатур, правда, конкурсов в то время также не было.

И еще один вывод я сделал: нельзя круто менять привыч-

ный ритм жизни. После первого инфаркта Румянцев по совету врача отказался от всего: резко перестал курить, употреблять спиртное, до минимума сократил рыбалку. Насилие над организмом в совокупности с нервными профессиональными нагрузками не спасло – после четвертого инфаркта, в 1976 году, он скончался.

Это поколение судей ушло на скромную пенсию в середине восьмидесятых. К нашему стыду они оказались обделенными вниманием своих молодых коллег. А случилось это (не для оправдания, ради констатации фактов скажу) потому, что замена произошла практически одномоментно. Молодые не знали ветеранов лично, а потому и не общались с ними. Конечно, пришедшие молодые судьи не нуждались в знаниях ушедших ветеранов, поскольку и законы, и практика быстро меняются. Но вот чего недоставало им, так это личного примера живого судьи того поколения – образца мудрости, терпения и выдержки.

Опыт показал, что не следует допускать глобальной и скоротечной смены поколений судей. Нарушается процесс передачи опыта, преемственности психологических установок на то, что судьи не столько власть, сколько специалисты, профессионалы, производственники для работы с людьми, но со специальными полномочиями.

Судьи и председатели, пришедшие в 70-е годы, отличались от своих предшественников. Предвоенное, военное, блокадное детство научило их понимать человеческие траге-

дии, сопереживать старшему поколению, сочувствовать своим сверстникам, не испорченным плодами суперцивилизации.

Они заняли свои должности естественным, эволюционным, логическим и последовательным путем. Они никого не выдавливали, чтобы освободить не сладкое, жесткое судейское председательское место для себя. Для многих из них руководящие посты были неожиданными, хотя, казалось бы, вполне предсказуемыми. Старшие товарищи уже по возрасту, а новички еще по стажу и опыту не могли претендовать на эти места.

Этот разумный, самый благодатный судейский слой, сочетавший относительную молодость и уже достаточно приличный судейский опыт, был тонок, малочислен и потому не смог повлиять на плавность перехода от старшего поколения к молодому. В целом этот переход получился скачкообразным.

Таких председателей районных судов было немного: Николай Костецкий, Юрий Сидоренко, Юрий Жеглов, Борис Попов, Владимир Столяров, Николай Семенов.

Сильное влияние на меня оказал Николай Костецкий. Этот большой человек, настоящий, добродушный русский медведь, увалень, голубоглазый, с обаятельной улыбкой, интеллигент в лучшем значении этого слова.

К 1965 году он имел два высших образования: военное и юридическое. На своего брата – известного российского ак-

тера Виктора Костецкого – Николай был похож живостью, увлеченностью и общительностью. Профессия судьи оказалась самой подходящей для него – человека честного, порядочного, объективного, мягкого к людям, очень внимательного и отзывчивого.

Вначале многих удивляла его способность реагировать на обращение любого человека, но потом все поняли, что в этом его суть. Если кто-нибудь обратится к нему, Николай обязательно остановится и терпеливо ответит, разъяснит, покажет, куда идти, к кому обратиться, подскажет, что необходимо представить судье, тут же посмотрит бумаги, вернется к себе и даст ход делу или материалу.

Это происходило не оттого, что делать ему было нечего: судей было в два раза меньше, чем сейчас, и дел хватало на всех с избытком, просто он всегда был настроен на одну волну с людьми – будь то бабулька или подросток – разницы нет. Многие гражданские дела у него заканчивались миром, а по уголовным делам в отношении несовершеннолетних Костецкий чаще, чем другие судьи, выносил не приговоры, а определения о применении к виновному подростку мер воспитательного воздействия.

Его трудно, почти невозможно было вывести из себя. По-моему, его терпимости к людям и их недостаткам не было границ. Но и всепрощения не было: суровые приговоры выносил адекватно содеянному и личности рецидивистов.

Нужно снять стресс, поделиться проблемой – сразу в ка-

бинет Костецкого. Специалист по заварке чая. Всем был известен его знаменитый «белый ключ» – момент появления белых пузырьков начинающегося кипения. Николай благотворно влиял на всех.

Мы с ним были ближе друг к другу, чем иные судьи: он немного старше меня, судейство начинали одновременно, да и запас знаний и опыта почти совпадали.

Н. М. Румянцеву с нами и нам с ним повезло – взаимопонимание полное. О карьерных подсидках и речи быть не могло: судейская должность самодостаточна, а руководящие горизонты ни Костецкого, ни меня совершенно не манили.

Даже от перехода в городской суд Костецкий отказался, хотя его настойчиво приглашали в конце 60-х. Но в 1977 году он согласился возглавить Сестрорецкий районный суд. И не случайно. Его всегда привлекала провинция, если можно так сказать о городском районе. Размеренная жизнь в небольшом населенном пункте соответствовала его характеру, образу жизни.

Огромная эрудиция, знание русской истории и культуры, прекрасная библиотека, собрание периодики на исторические темы заменяли ему театры и другие развлечения, а также начинающиеся тусовки чиновного люда. А официальные мероприятия, многочасовые заседания, не относящиеся к судейству, он физически не переносил. Отметившись о явке, тут же исчезал и возвращался в суд.

Ему не было равных, по крайней мере в судейской среде,

в знании лекарственных трав. Он изобретал настойки на все случаи жизни, делился своими рецептами. Гордился, если его средство помогало. Грибник, каких мало. Знаток опят. Сколько прекрасного, естественного, натурального было на его хлебосольном столе. Он мог из простого батона сделать отличную закуску.

Этот замечательный человек и судья не получил при жизни ни одной награды. В связи с 25-летием безупречной судейской деятельности Н. Костецкий был представлен к почетному званию «Заслуженный юрист РСФСР», но новое молодое поколение судей, доминирующих в квалификационной коллегии судей, отказало ему в этой награде.

И лишь через пять лет он получил это звание: я положил скромный значок ему на грудь на похоронах на Сестрорецком кладбище.

Как известно, наши недостатки есть продолжение наших достоинств. Костецкий в этом не исключение. Его общительность, внимание ко всем порой проявлялись в ущерб времени, которого судье всегда не хватало. Его неторопливый ритм, иногда явно излишняя обстоятельность влекли потерю времени на второстепенных деталях в ущерб главному, ожидающему его в другом месте, в другом деле, в других обстоятельствах. Поражало, но потом все привыкли, что Николай Костецкий никогда не носил часов. Это приводило к тому, что он забывал о встречах, мог опоздать на полчаса и на час. И только знающие эту его особенность самые близ-

кие ему люди, к которым я относил и себя, не обижались, ибо все остальное в нем нивелировало этот не такой уж и незначительный недостаток. Переделать его характер было невозможно. Почему он не следил за временем, так никто и не понял. Широкая улыбка и проникающий теплый взгляд гасили все претензии к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.